

Шестакова Е. Ю.

ТЕМА ДЕТСТВА В ПРОЗЕ Н. Г. ПОМЯЛОВСКОГО И М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/8-1/77.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 192-193. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ТЕМА ДЕТСТВА В ПРОЗЕ Н. Г. ПОМЯЛОВСКОГО И М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

*Шестакова Е. Ю.**Северодвинский филиал Поморского государственного университета имени М. В. Ломоносова*

Вторая половина XIX века в русской литературе отмечена очевидно нарастающим интересом к теме детских страданий. Эта тенденция остается не вполне осмысленной в литературоведении. В отечественной науке сложилось устоявшееся представление о том, что русские писатели XIX века, обратившиеся к теме страданий и унижений ребенка, в первую очередь опираются на традиции западноевропейского романа о детстве. Исследователи, указывая на очевидное увлечение русских писателей XIX века творчеством Ч. Диккенса, отмечают у них заимствование тем, эпизодов, образов из произведений английского автора [Катарский, 1966]. В самом деле, русская беллетристика второй половины XIX века, обратившаяся к теме страданий и унижений ребенка, во многом оказывается близка европейскому прозаическому опыту. Правда, близость эта обнаруживает себя только на уровне фактуры, но в глубинных, концептуальных подходах различия оказываются в высшей степени принципиальными.

Тема детства, изломанного в стенах учебного заведения, раскрывается в цикле «Очерки бурсы» (1862-1863) Н. Г. Помяловского. Такая постановка вопроса дает основания для поиска аналогий с европейским романом о детстве XIX века (Ч. Диккенс, В. Гюго, Ш. Бронте и др.). Героев Н. Г. Помяловского развратила система общественного воспитания и образования, которая сформировала «такие дикие характеры, как Горблагодатский», «пошлую, гнилую и развратную натуру Тавли» [Помяловский, 1980, с. 335-336]. В «Очерках» источником страданий детей становится образовательная система, представляющая собой «долбню ужасающую и мертвящую», а также учителя, у которых «было положено за священнейшую обязанность в продолжение курса непременно пересечь всех» [Там же, с. 362, 393]. При этом просматривается очевидная установка на то, чтобы осудить конкретных виновников страданий и унижений героев (учителя, педагогическая система), которые совершают преступление против детства, отнимая его у детей, преступающие естественную норму.

В «Очерках» повествование строится с использованием системы оппозиций, «контраста между домашним и училищным бытом», где «семейная жизнь кажется полным блаженством, выше которого нет на свете, бурсацкая - царством бесконечных мучений» [Там же, с. 435]. Для европейского романа о детстве XIX века не характерны такие противопоставления естественно данного и не сложившегося по вине конкретных людей. Герой (Оливер Твист, Джен Эйр, Козетта) изначально обречен на столкновения с жестоким по отношению к нему миром. Мир здесь - это «потерянный рай», в котором зло предустановлено, относится к характеристике его состояния. При таком подходе любые сопоставления и противопоставления не продуктивны. Составляющей типично русской художественной картины мира является «прекрасный божий мир», наполненный благодатью, где «бог создает человека» для того, чтобы он «разделял жизнь в чувстве любви» [Белинский, 1953, с. 30]. Ребенок - это «образ Христов на земле», «луч из рая» [Пушкарева, 1998, с. 87]. Он, наполненный любовью, приходит в земной мир, который изначально проникнут божью благодатью, счастьем и гармонией. Счастливое и безмятежное детство здесь естественно и нормально, правило, а не исключение.

«Родное селение, дом с садом, домашние товарищи, игры» [Помяловский, 1980, с. 440], любовь и тепло, исходящие от семьи, явно восходят к традиции русских произведений о «счастлимом детстве» («Детство» Л. Н. Толстого, «Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова, глава IX «Сон Обломова» романа И. А. Гончарова «Обломов»). Упоминания о них даются в тексте в качестве предустановленной жизненной нормы, преступаемой в бурсе: «Был когда-то рай на земле, но теперь все гадко на свете» [Там же, с. 448]. «Черные педагоги, лишённые деторождения», «ужасающая система нашего воспитания» превращают «райское существование» ребенка в ад: «Ирсе был дух того ада, которому имя бурса» [Там же, с. 375]. Бурса изображается как «перевернутый мир», противоположный естественному его состоянию, где обязательно счастливое детство, протекающее в уюте и тепле родного дома, в окружении любящей семьи. В «адском» учебном заведении «привязанность к родному дому ставится в преступление», атмосфера в бурсе «носит характер казенщины, выражающей полное отсутствие домовитости и уюта» [Там же, с. 441, 330].

Для европейского романа не характерно противопоставление мира детства такого, каким он должен быть, и того, который увидел художник, так же как и совершенно невозможно утверждение: «Был когда-то рай на земле». Жизнь на земле в ее концептуальных подходах - это изначально «потерянный рай», принципиально невосстановимый, и потому детство героя, пришедшего извне в этот неустроенный мир, неизбежно становится периодом страданий и унижений. Иное в такой концепции мира противоречило бы ее фундаментальным установкам. Совсем другую картину формирует русская литература. Намеренное изображение «перевернутого мира» детства Никанора Затрапезного, которое по определению должно быть счастливым, представлено в цикле очерков М. Е. Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина» (1883-1884). Модель мира «счастливого детства», описанная в «Детских годах Багрова-внука» С. Т. Аксакова, прямо входит в текст щедринских очерков в качестве смысловой доминанты: «Мне было уже за тридцать лет, когда я прочитал «Детские годы Багрова-внука, и, признаюсь откровенно, прочитал почти с завистью» [Салтыков-Щедрин, 1975, с. 35]. Только на этом фоне, в логике контрастов, представлен родной дом «неудобным и некрасивым», а в саду, окружающему дом, детям «гулять охоты не было» [Там же, с. 13-14]. Мотив природного изобилия, актуальный для аксаковской повести о детстве, в щедринских очерках наполняется совершенно

иным, противоположным смыслом, не ощущением счастья от полноты бытия и красоты окружающего мира, а желанием потреблять, приносить доход: «Обилие фруктов и в особенности ягод было такое, что с конца июня до половины августа господский дом положительно превращался в фабрику, в которой с утра до вечера производилась ягодная эксплуатация» [Там же, с. 14]. Огромный «воскресный пирог», символизирующий в главе IX «Сон Обломова» романа И. А. Гончарова «Обломов» изобильную и благодатную жизнь, в «Пошехонской старине» являет собой символ жадности хозяев: «Начинка этого пирога представляла смешение всевозможных отбросов, накопившихся в течение недели, и наполняла столовую своеобразным запахом лежалой солонины» [Там же, с. 22]. Семья, призванная давать ребенку ощущение «душевного равновесия», «создавать то стихийное общение, которое, захватив человека с колыбели, наполняет все его существо и проходит потом через всю его жизнь», в щедринских очерках постулируется в качестве предустановленной нормы, на фоне которой семья Затрапезных, где «ни отец, ни мать не занимались детьми», а дети «не знали родительской ласки», однозначно определяется взрослым рассказчиком как «неестественная» [Там же, с. 21-35]. Семейные трапезы, должны объединять всех ее членов, в доме Затрапезных сопровождаются «бранью», и «непристойными словами», что обостряет отчуждение близких людей друг от друга. Это определяет статус близких как преступников, отрицающих счастливое детство у своих детей. Рассуждения о педагогической «системе» в щедринских очерках дополняют картину преступлений против детства. «Педагоги, служащие ей не только за страх, но и за совесть», делают ребенка «злосчастливым» [Там же, с. 79], отнимая у него детство. Вся система отношений людей выстроена в очерке противоположной тому, что уже сложилось в русских литературных представлениях в качестве модели «счастливого детства».

Таким образом, русская литература XIX века в раскрытии темы несчастного детства в историческом плане следовала за своими европейскими литературными предшественниками и, прежде всего, за Ч. Диккенсом. Однако утверждение о прямой связи русской литературы XIX века об «украденном детстве» с европейской литературной традицией является не вполне точным. В раскрытии темы детских страданий и унижений европейский роман о детстве XIX века опирался на традиции романа воспитания, которые не были восприняты русской литературой. Настроение «недоверия» к миру, господствующее в западноевропейском романе XIX века, в той или иной мере связано с раскрытием темы детства. В европейской художественной концепции доминирует признание принципиального несовершенства мира и, как следствие, нарастающее в душе героя ощущение своей непричастности ему, своей иноприродности. Все надежды реализовать себя в нем, принять его условия и на этой основе построить свою жизнь - тщетны. Продуктивной позицией признается сознательное дистанцирование от мира, установка на отчужденное самосохранение в принципиально враждебной среде. Детство в этой схеме взросления героя рассматривается периодом жесткого конфликта человека и мира. В этом контексте страдания и унижения ребенка становятся обязательным условием осознания своей внемирности. Общая идейная установка западноевропейской литературы XIX века укладывается в формулу «потерянного рая». «Потерянный рай» - это изначальное, непреодолимое условие жизни на земле. Сколько бы точно не были персонифицированы носители зла, те, от кого исходят страдания и унижения героя, само зло не порождается ими. Зло здесь - не явление мира, а его состояние, изначально заданное условие его существования. Страдания и унижения ребенка как тема русской литературы второй половины XIX века проявляется в контексте иных идейных установок. Источник зла здесь локализован, назван и персонифицирован. Ситуация укладывается в понятие «преступление против детства», где есть потерпевший (ребенок), обвинитель (автор) и обвиняемый (родители, учителя). Вся эта конфигурация возможна при одном условии: устоявшемся представлении о детстве как о счастливой поре, норме, нарушение которой влечет за собой осуждение. На этом фоне страдания ребенка могут быть оценены как отнятое, «украденное детство». Этот фон отсутствует в традиции западноевропейского романа о детстве. Поэтому вполне правомерно утверждение о том, что русская литература об «украденном детстве» является не результатом творчески осуществленного заимствования европейской литературной традиции, а представляет собой развитие тенденций, заложенных в логике собственно русского историко-литературного процесса.

Список использованной литературы

1. **Белинский В. Г.** Литературные мечтания // Белинский В. Г. Полное собр. соч.: в 13 т. М., 1953. Т. 1. Статьи и рецензии, 1829-1835.
2. **Катарский И. М.** Диккенс в России. Середина XIX века. М., 1966.
3. **Помяловский Н. Г.** Сочинения. Л., 1980.
4. **Пушкарева В. Н.** Дети и детство в творчестве Ф. М. Достоевского и русская литература второй половины XIX века. Белгород, 1998.
5. **Салтыков-Щедрин М. Е.** Собр. соч.: в 20 т. М., 1975. Т. 17. Пошехонская старина.

ВНЕШНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КАЗАХСТАНЦЕВ

Яковенко Л. К.

Южно-Казахстанский государственный университет им. М. Ауезова, г. Шымкент, Казахстан

При проведении ассоциативных экспериментов, направленных на выявление определенных черт, связываемых в языковом сознании казахстанцев с образом профессионала, нами получено большое количество